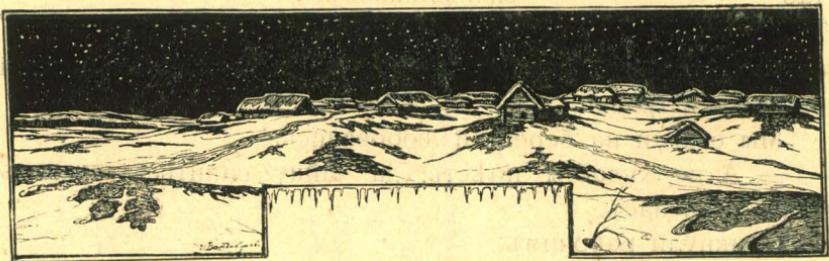


НА БІЋ.



I.

Однажды лѣтомъ, въ срединѣ августа, нашъ плоть, миновавъ благополучно бушующіе пороги красавицы Біи, присталъ у лѣсного кордона, притаившагося средь зеленѣющихъ лѣсовъ лѣваго, низменнаго берега. Какъ разъ напротивъ, на противоположномъ берегу, вздымались кверху мощнымъ уваломъ Ажи-горы. Одѣтыя зеленымъ ковромъ сочныхъ травъ, съ молодымъ кудрявымъ березникомъ по террасамъ и складкамъ уваловъ, эти горы уходили внизъ и вверхъ по рѣкѣ, и видно было, покуда глазъ хваталъ, какъ то здѣсь, то тамъ лѣнули къ нимъ, слово дѣти къ матери, многочисленныя заимки. А вотъ за тѣмъ уваломъ, верстахъ въ трехъ отсюда, разбросился своими домишками аиль алтайца Сурубашкина. Точно съ разбѣгу наскочилъ на гору, да духъ заняло—не добѣжалъ до вершины, и остановился на полдорогѣ: „хорошо и тутъ“. День былъ, послѣ вчерашняго дождичка, ясный, солнечный. Все блестѣло необычайно свѣжими, сочными красками, точно сегодня законченная, еще не успѣвшая подсохнуть, картина. И гладь успокоенной здѣсь рѣки съ отраженнымъ куполомъ голубого неба да зеленѣющими берегами, и величественный массивъ Ажей-горъ съ игрушечными заимками свободолюбивыхъ старовѣровъ, все это, млѣя на солнцѣ, словно замерло въ сладкой истомѣ, словно молилось безъ словъ,

одними, чуть внятными, вздохами, да благоуханиемъ каждой былинки и травки.

Мы стояли на берегу и любовались.

— А не худо-бы поѣсть, да чайку напиться—сказалъ одинъ изъ наасъ.

Крикнули рабочимъ:

— Эй, на плоту!

Тѣ зашевелились, высыпали на берегъ и стали направлять костры, да котелки настораживать. Но въ это время къ намъ подошелъ господинъ въ формѣ лѣсничаго и, познакомившись, пригласилъ къ себѣ.

— Ну, какъ? Не скучаете здѣсь?—спросилъ я.

— Привычка, знаете... А потомъ, дѣла такъ много, что и скучать некогда. Почти все лѣто въ сѣлѣ: участокъ огромный, а вездѣ надо побывать: тамъ пожаръ, тамъ порубка, здѣсь лѣсь продать надо...

— Кабинетскій?

— Да...

— Кусочекъ добрый.

— Чего лучше. А потомъ у меня маленькое хозяйство: коровы, лошаденки, огородъ. У меня и дыни, и арбузы, и всякая всячина. Вотъ сегодня „помочь“: траву кошу, сѣно на зиму заготовляю. Не желаете-ли поглядѣть? Картина для васъ, горожанъ, эффектная... Палаша, живо самоваръ!—крикнулъ онъ пробѣгавшей дѣвкѣ.

— Чичасть...—вильнула хвостомъ, убѣжала.

Невдалекѣ, межъ рѣдкаго молодого соснячка, пестрѣли яркими цвѣтами группы мужиковъ и бабъ—мѣстныхъ черневыхъ татаръ. Большинство ихъ стояли или, растянувшись, валялись въ тѣни, но, завидя наасъ, зашевелились, вскочили и съ ожесточенiemъ принялись махать косами.

— Лодыри. Пока стоишь—работаютъ, отошелъ—кончено дѣло... А вечеромъ вѣтъ придутъ водку пить, да угощаться; кто вовсе не работалъ, и тотъ придетъ...

Подошли вплотную.

— Помогай Богъ!..

— Пасибо, пасибо!—вѣтъ вразъ крикнули.

Мужики въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ

съ кумачными выпушками на плечахъ и подъ мышками, а бабы либо въ яркихъ ситцевыхъ, либо въ холщевыхъ, вродѣ рубахъ—платьяхъ.

Смуглые, въ большинствѣ чумазые, неряшливые, съ черными глазами и волосами, высокіе, сильные—они были красивы подъ лучами солнца и пестрѣли своими бѣлыми, желтыми, голубыми и красными нарядами, какъ цвѣтки средь буйной, густой травы.

Постояли, полюбовались. А чрезъ четверть часа сидѣли за самоварчикомъ и о томъ о семъ калякали.

— А вотъ неудобно ли яблочекъ сибирскихъ покушать... только извините, всего два осталось—предложила хозяйка и вынула изъ шкафа настоящія яблоки.

Мы ахнули:

— Какъ!.. Неужели?.. Сибирскія?!

Мы о сибирскихъ яблокахъ знали только понаслышкѣ. А нѣкоторые сибиряки сибирскими яблоками зовутъ обыкновенную картошку.

Попробовали. Вкусно.

— Вотъ съ работами мимо пойдете,—загляните,—сказалъ лѣсничий, это подъ Сайдыпомъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Біі, у Глаголева.

— Непремѣнно. А кто такой Глаголевъ?..

— Старикъ очень почтенный. Бывшій чиновникъ.

Петръ Николаевичъ, товарищъ нашъ, человѣкъ нѣмецкой складки, учинилъ лѣсничему форменный опросъ относительно глаголевскаго сада и записалъ въ книжку. Такъ какъ мы угостились преотмѣнного вкуса и крѣпости медовой брагой, языки наши какъ слѣдуетъ поразвязались, и мы болтали безъ умолку, подтрунивая надъ Петромъ Николаевичемъ.

А тотъ потѣль, фыркалъ, косясь на насть чрезъ пенснѣ убийственнымъ, съ лукавой улыбкой, подслѣповатымъ взглядомъ, и пунктуально, шагъ за шагомъ, снималъ опросъ. Когда онъ дошелъ до собакъ и, при всеобщемъ хохотѣ, стала записывать ихъ клички, мы поняли, что пора идти спать.

Да кстати и брага въ кувшинѣ усохла изрядно.

II.

День проходилъ за днемъ, мы продвигались съ работами версты по четыре въ сутки. Съ каждымъ шагомъ передъ нашими глазами развертывались все новые и новые картины, одна другой лучше, красочнѣй.

Когда идешь по незнакомой горной рѣкѣ, никогда не угадаешь, какую еще панораму она откроетъ тебѣ... Ну, хотя бы вонъ тотъ зеленый увалъ, спустившійся въ рѣку, какъ голова допотопнаго звѣря, поросшая, словно гривой, остроконечнымъ пихтачемъ.

Смотришь и по аналогіи рисуешь себѣ зеленѣющую цвѣтами и травами поляну, видѣнную раньше вотъ за такимъ же уваломъ.

Подошелъ, заглянулъ и ахнулъ! Опять новое, опять неожиданно-прекрасное, еще невиданное.

Горы свѣсились тутъ своими оголенными каменными глыбами и отвѣсной стѣной ушли въ воду, а рѣка, торѣпливо обогнувъ „носулю“ увала, бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, разсыпалась бѣлой пѣной, захочатала, заискрилась подъ лучами солнца и понеслась дальше, волна за волной, опрокидывая по пути оборвавшіеся съ утеса камни. А утесъ стоитъ да стоитъ, улыбается добродушно многочисленными очами пещеръ и вымоинъ, да, словно брови, хмурить онъ на челѣ свое морщины, подернутыя мохомъ времени.

А дальше опять аиль, за нимъ покуривающая сизымъ дымкомъ зaimка...

Вечерѣетъ. Солнце вотъ-вотъ спрячется въ горахъ. Понесло холодкомъ. Запахло рѣкой и прянымъ запахомъ хвойнаго лѣса.

Плоть нашъ, то еле двигается по гладкой поверхности водъ, то, попавъ на стрежь—несется какъ бѣшенный.

— Какъ этотъ бомъ¹⁾ называется?— спрашиваю лоцмана.

1) „Бомъ“—отвѣсный, скалистый берегъ, по которому идетъ тропа.

— А кто его знаетъ... Бомъ да и бомъ... Быдто прозвища нѣту...

— Ну, какъ нѣту!..—слышится съ гребей.

Говорить бородатый человѣкъ въ плисовой рубахѣ, шляпа на бекрень. Пришелъ „съ Росеи“ за счастьемъ въ Сибирь.

— Второй годъ здѣсь толкаюсь, по Біи, къ татарамъ по-присмотрѣлся... Они народъ любопытный, у нихъ, мотри, кажинному ручейку, кажинной балочкѣ прозвище дадено: камень, къ примѣру, и весь-то съ кулакъ, шапкой прикрыть, разцеперился на-двоє, вродѣ вилашекъ —у нихъ прозвище: „аир ташъ“; скала ушла въ поднебесье, да козыремъ верхушечка натулилась—у нихъ опять кличка: „Карлачъ-Уязы“—ласточкино гнѣздо, значитъ. Они, братъ, все примѣчаютъ, любятъ земельку свою, всему названье даютъ... Какъ въ святцахъ...

И, вынувъ изъ кармана горсть кедровыхъ орѣховъ, погрызъ—погрызъ, да еще сказалъ:

— А то и пѣсню сложать хорошую... Щедеть поеть, идетъ поеть... Что видить, про то и поеть: рѣка—про рѣку, дѣвка—про дѣвку, орла высмотрить, про орла пѣсня сложена... Доброй души люди, что и говорить...

— Что и говорить—подхватилъ другой дядя, сибирякъ,—съ такимъ народомъ жить можно... Ничего...

А лоцманъ спросилъ:

— Ну, а какже на счетъ Глаголева господина?.. Пойдете што-ль по яблоки-то?.. Поутру какъ разъ на то мѣсто по-трафимъ...

— А далеко до него отъ берега-то?..—полюбопытствовали.

— Ка-а-ко далеко,—отвѣтилъ лоцманъ,—эдакъ, какъ тебѣ сказать—не соврать, версты четыре, либо пять, не болѣ...

— Ой, больше... Какъ-же лѣсничій добрыя пятнацать верстъ считаетъ?..

— Мало чего тебѣ лѣсничій наскажетъ... Поди самъ—отъ и не былъ тамъ... А я скрozy это мѣсто знаю... зачуриясь пройду...

— Не врешь?...

— На-вотъ тебѣ... Пошто врать, мы не времъ...—Оби-

дѣлся, посмотрѣлъ поверхъ нашихъ головъ на виднѣвшіеся вдали бѣляки и лоцманскимъ, особымъ голосомъ, закричалъ:

— О-о-пъ!.. Ударь лѣва-а!.. Еще раз-о-окъ!.. Опъ!..

Плотъ пролетѣлъ возлѣ самыхъ бѣляковъ, качнулся, затрещалъ въ связяхъ.

— Надо иматься, однако... темнѣть зачало... Чуть было на камень не натакались. Ишь взмыриваетъ, пропастина...

И опять заревѣлъ:

— О-о-пъ!.. Давай къ берегу-у-у!.. Бей рѣчно!.. Бей сильно!!!!.. Еще!.. Опъ!..

Плотъ лѣниво завернулъ къ подрѣзистому приглубому берегу и, минутъ черезъ десять, мы уже сидѣли возлѣ костровъ, кипятили чайники и говаривались о завтрашней прогулкѣ въ фруктовый глаголевскій садъ.

III.

На другой день съ полднѣмъ мы вчетверомъ направились въ экскурсію. Перекусили кой-чего въ сухомятку, да съ тѣмъ и пошли; далеко-ль тутъ: часть туда, часть обратно, да тамъ часа два—къ обѣду какъ разъ вернемся.

— Такъ verstы четыре, говоришь?

— Четыре, либо пять—откликнулся лоцманъ.

Повѣрили: человѣкъ резонный.

— Вотъ я вамъ все обскажу, слушайте: вотъ такъ прямехонько черезъ рѣченку—курицѣ по брюхо,—Куютъ—прозывается— а тамъ зaimка... Какъ зaimку пройдешь, все вправо держись, все вправо—упрешься въ гору; а какъ гору перевалишь, тутъ тебѣ и Глаголевъ господинъ... Его, братъ, сразу узнаешь... Бородища-во, по поясъ... Поди си-вый сталъ теперича... По бородѣ сразу придѣлишь, кто та-ковъ... Ну, въ часть добрый... Со Христомъ!..

Впереди шелъ Владимиръ, высокій, лѣтъ двадцати, малый, съ покатыми, какъ у борца, плечами и въ короткой не по росту рубахѣ, за нимъ жизнерадостный, коренастый Вася съ энергичными глазами и чуть пробивающимися уси-ками. А мы съ Петромъ Николаевичемъ плелись сзади. Петръ

Николаевичъ былъ малый добрый, товарищъ хороший, но трусь, какихъ мало. И кромѣ сего обладалъ секретомъ на-
гонять тоску даже на самую безшабашную компанию.

— Василій Петровичъ, Василій Петровичъ—говорить онъ нуднымъ голосомъ—а, какъ думаете, тутъ есть мед-
вѣди?

Тотъ молчитъ, словно не слышить.

— А, Василій Петровичъ... Есть?...

Чтобы отвязаться, Вася кричитъ раздраженно:

— Есть, есть!.. Они тутъ еще съ прошлого года васъ
караулять...

А вотъ и рѣчка. Поискали-поискали бродъ—нашли, перебрались по камушкамъ. А Петръ Николаевичъ—чело-
вѣкъ упрямый—пошелъ напрямикъ. И намъ видно было,
какъ онъ, подобравъ полы азяма, скакалъ поперекъ рѣчки.

— Гопъ-ля... Гопъ-ля... Гопъ!.. и—какъ разъ угодилъ въ
омутъ, чуть не по поясъ. Выругался, выползъ на берегъ.
Сидитъ, отливаетъ изъ сапогъ воду, кричитъ:

— Господа, обождите меня... Я сей-ча-а-а-съ...

Дождались, опять пошли. День былъ пасмурный. Дулъ
вѣтерокъ. По небу бѣжали, торопясь къ востоку, низкія
облака. Пахло дождемъ и сыростью. Прошли версты двѣ.
А вонъ и заимка. Да не одна, а цѣлыхъ, кажется, пять.
Рѣчка, крутясь и извиваясь, опять пересѣкла намъ дорогу,
но, слава Богу, возлѣ самыхъ заимокъ чрезъ нее наложенъ
изъ двухъ сплоченныхъ бревенъ мостъ. Бревна ослизли, а
берега высоки и круты, да и рѣченка пыжится тутъ, пере-
ливаясь по камнямъ, какъ и заправская. Хоть страшно было,
а перешли, кто ползкомъ на четверенькахъ, благо заимоч-
ники не видятъ, а кто похрабрѣй—на ногахъ. Поручней
не было. Заимочникъ до этого еще не додумался, а, можетъ,
нарочно такой мостъ наладилъ: мы, дескать, ни въ комъ не
нуждаемся. Да и то сказать: сюда, въ этакую глушь, кромѣ
урядника, никто почти изъ постороннихъ-то и не загляды-
валъ никогда. А урядникъ ежели и появится за недоимкой
да проползетъ лишній разъ по ослизлымъ бревнамъ, эка
невидалъ! За это ему жалованіе отъ казны идетъ. Итакъ,
мы возлѣ заимокъ.

IV.

— Молодуха, эй молодуха! — крикнули мы доившей корову женщинѣ. Повернулась, встала. Высокая, статная, съ пріятнымъ смуглорозовымъ лицомъ и бойкими привѣтливыми глазами.

— А какъ намъ на заемку Глаголева пробраться?

— Глаголева? — переспросила она нараспѣвъ.

— Да.

— Порфирия Яковлевича, што-ль?

— Да, да.

— А вамъ зачѣмъ? — заулыбалась, сверкнувъ бѣлыми, одинъ къ одному, зубами.

Мы стояли, опервшись на изгородку, и тоже улыбались столь неожиданному допросу. Потомъ сказали ей цѣль нашего путешествія.

— А вы кто такие будете?

Опять допросъ.

— Мы изслѣдуемъ Бю: глубины промѣряемъ, планы съ пороговъ снимаемъ, пробуемъ нельзя ль пароходы по рѣкѣ пустить...

— А-а-а... Водяные землемѣры, значитъ, будете?..

— Вродѣ этого...

— Такъ-такъ... — задумалась.

Тутъ одно облачко разорвалось на двое, и солнце лѣнивыми лучами стало заливать, не торопясь, окрестность. Вотъ вспыхнула серебромъ рѣчка, улыбнулись бѣлые чистенькие домики заемки, зардѣлся ярко-зеленѣющій лѣсь на цѣпи холмовъ. И вдругъ, что за чудо! вмѣстѣ съ радостнымъ лучемъ солнца, раздались откуда-то, совсѣмъ близко, печальные звуки похороннаго пѣнія. Мы вздрогнули, переглянулись, — посмотрѣли по сторонамъ. Да, вотъ оно что! Тамъ, за рѣчкой, въ полугорѣ, стоять въ неподвижныхъ, понурыхъ позахъ люди, человѣкъ двадцать. Двоє, нагнувшись, копаютъ землю лопатами, а остальные поютъ да плачутъ. И чѣмъ ярче свѣтило солнце, чѣмъ наряднѣе

одѣвались подъ его лучами лѣса и горы, тѣмъ безутѣшнѣе плакало пѣніе. Баба отставила подойникъ. Мы спросили ее:

— Что это?

— А дѣвочку замочники хоронять... Луки Митрича дочку... Сгорѣла вчерасть, сердешная...

— Большая?

— Да лѣтъ этакъ десяти, поди, будетъ... Охъ, родименькая моя, о-о-хъ... Глашенка ты моя... Ягодка моя борова-а-я...

Женщина замигала часто-часто, скорбю покрылось лицо ея, засморкалась, прикрылась передникомъ и жалобнымъ голосомъ запричитала.

Изъ заимокъ, то здѣсь то тамъ, бѣжали, ловко перепрыгивая черезъ сосѣднія изгороди парни и дѣвки, молодые мужики и бабы, а старики со старухами степенно выступали изъ калитокъ, и всѣ, съ опечаленнымъ лицами, спѣшили туда, къ тому залитому солнцемъ зеленому увалу, гдѣ хоронили дѣвочку.

— Охъ, милые мои, побѣгу... охъ, побѣгу... Охъ, Глашенка ты моя...

И, причитая, направилась къ калиткѣ.

— Она родная что-ли тебѣ?

— Не родная, да лучше родной... Мы здѣсь—всѣ родные..

Пошли рядомъ съ ней.

— Какъ же сгорѣла-то она?

— Да какъ... Знамо, грѣхъ!.. Отецъ-то съ матерью въ городъ за товаромъ уѣхали вчерасть, — торговцы они,— и по сейчасъ еще нѣту ихъ, баушка одна слѣпая. Сами-то не ранѣ, какъ въ воскресенье пріѣдутъ. Ну, а дѣвочка-то, знамо, ума нѣть, разложила костеръ во дворѣ, картошку варить себѣ съ баушкой къ ужину, анъ платьишко то у ней возьми да и займись полынемъ...

Баба засморкалась, сморщилась вся, всхлипнула разъ другой и, успокоившись, продолжала:

— Взнялась огнемъ вся, несчастненъкая, да съ перепугу видно и языка лишилась. Подала голосъ, когда ужъ почернѣла вся... Промаялась ночь-то, а къ утру вотъ и предста-

вилась... Ласковая такая, да обходительная была. Всѣ заимочники въ голосъ ревѣли возлѣ нея всю ноченьку... Да гдѣ тутъ... Не святъ духъ, не поможешь...

— А доктора нѣтъ по близости?

— Како тутъ доктора, попа-то и того нѣтъ, виши, сами хоронимъ. Вотъ батькѣ съ маткой горе-то будетъ!..

Остановилась, посмотрѣла на насъ заплаканными глазами и сказала:

— А вы вотъ по еftой дорожкѣ такъ и идите, все по заколку, по заколку, никуда не задавайтесь, ни вправо, ни влѣво... Дойдете до Комаровой заимки, а тамъ и къ Глаголеву дорогу спросите...

— А далеко еще до Глаголева-то?

— А кто-е знать... У насъ не мѣряно... Верстъ, поди, съ десятокъ набѣжитъ...

— Съ десятокъ?!--удивились мы.

— А кто-е знать... Может и менѣ... Ну, прощайте, пока... Мы постояли съ минуту и пошли дальше.

— А вы яичекъ свѣженыхъ не купите, либо шанежекъ—крикнула намъ въ догонку и, когда мы отказались, опять прозвенѣла серебристымъ молодымъ голосомъ:

— Ну, въ часъ добрый!

И бѣгомъ—заторопилась къ могилкѣ.

V.

Пока дорога шла у подножья холмовъ, по сухому мѣсту, подвигались впередъ быстро, но вотъ, одно за другимъ, стали попадаться небольшія болотца. Дорога совершенно терялась въ нихъ, а для пѣшеходовъ по обочинамъ, наложены были, чрезъ бѣгущіе тутъ ключи, переходы изъ жердочекъ. И по мѣрѣ того, какъ болота попадались все чаще и чаще, путь становился труднѣй. Каждый изъ насъ запасся по дорогѣ хорошимъ коломъ и, балансируя, какъ по канату, перебирался по жердочкамъ чрезъ опасное мѣсто.

— Гопъ-ля, гопъ-ля-гопъ!—выкрикивалъ отчаянно Петръ Николаевичъ и на самомъ вязкомъ мѣстѣ неуклонно срывался въ болото.

Отсталъ отъ нась изрядно:

— Эй, господа... я быстро не могу... я человѣкъ близору-у-кій...

Приходилось ждать.

А солнышко опять спряталось за тучи, и началъ накрывать дождикъ. На душѣ стало грустно и отъ только что видѣнной картины, и отъ плохой дороги, и отъ обложенаго свинцовыми облаками неба. Ноги ныли, нервы отъ постояннаго напряженія устали, стучало сердце. А время шло да шло. Ужъ скоро четыре часа, а заимки что-то не видно. Вотъ тебѣ и пять верстъ!.. Стали ругать лоцмана, заочно носылая его ко всѣмъ чертямъ.

— Господа, заимка!—крикнулъ Владимиръ, шедшій саженяхъ въ пятидесяти отъ нась.

— Далеко?

— Нѣтъ... Версты двѣ будетъ... Съ гакомъ...

— Тыфу, чортъ ее задави!..

Идемъ дальше, ругаемся.

Вдругъ залилась собака, за ней другая.

— А вѣдь мы, господа, верстъ восемь добрыхъ отбрякали—сказалъ кто-то.

Собаки набросились, точно съ цѣпи сорвались, и несмотря на окрики и цыканье дѣвченки, сидѣвшей подъ окномъ домика, онѣ до тѣхъ поръ наскакивали на нась, задравъ хвосты и скаля острые зубы, пока не сѣѣздили одну изъ нихъ вдоль спины жердью.

— Дѣвочка, а дѣвочка!

— Ну, чо надо?..—пропищала та.

— Глаголеву заимку знаешь?..

— Ну, знаю...

— Какъ пройти туда?

— Вонъ, э-эвона крыши - то выглядываютъ изъ лѣску...

— Тутъ и есть Глаголевъ?

— Какъ бы не такъ... Нѣтъ, братъ, до него еще пошагашь. Это только еще Наумовска заимка. Дойдешь, спросишь...

— Какъ Наумовска, что ты мелешь?..—возмутились мы—намъ же сказали, что отъ Біи верстъ пять до Глаголева...

— Вотъ те и пять...Нѣть, братъ, пошагашь...Отседова
верстовъ, поди, восемь будетъ..

Мы расхохотались ей прямо въ глаза:

— Ничего ты не смыслишь, дѣваха!...

И пошли по дорогѣ впередъ. А побитая собаченка изловчилась таки подкрасться сзади и сцепать за ногу отставшаго Петра Николаевича. Хамкнула и, поджавъ хвостъ, быстро отскочила въ кусты. Тотъ ахнулъ дикимъ голосомъ, торнулся носомъ, вскочилъ, опять упалъ и тогда только закричалъ, какъ заплакалъ:

Господа...погодите...я пенснѣ обронилъ...

Но ждать мы не желали.

Вася крикнулъ:

— Скорѣе идите...Вы настѣ погубите... Ночь на дворѣ,
а тутъ волки бѣшеные рыщутъ по болотамъ...

— Серьезно?!—стонетъ Петръ Николаевичъ и, не до-
ждавшись отвѣта, подбираетъ повыше полы и рѣсью дого-
няетъ настѣ.

Дѣйствительно, стало темнѣть: время предосеннее.

VI

Сразу же за заимкой болота кончились и дорога, опу-
щенная буйнымъ кустарникомъ, пошла въ гору и скоро врѣ-
залась въ молодой лиственныій лѣсъ, за которымъ синѣли
вдали таежныя дебри. Шли быстро. Страшно хотѣлось
ѣсть, но желаніе скорѣй достичь цѣли подавляло намъ
силы и бодрости. Подсмѣивались надъ собой, надъ шуст-
рой дѣвченкой, надъ лоцманомъ, и всѣ были увѣрены, что
виднѣвшаяся вдали заимка и есть нечто иное, какъ Глаго-
левскій рай.

А вотъ и лѣсокъ. Стоитъ себѣ, притихъ, нахмурился.

Дорога опять стала грязной, и мы направились возлѣ
нея, по опушкѣ.

~~Ранняя~~ здѣсь осень успѣла уже наложить руку на те-
ряющіе свои ризы лѣса. Предъ этимъ были два-три утрен-
ника. Кой гдѣ поблекла травка, стали желтѣть помаленьку
да осыпаться листья березъ и осинъ. За то боярка, да

бузина съ рябиной стояли разрумяненные всѣми цвѣтами теплыхъ тоновъ отъ ярко-кирпичнаго до густо-фиолетового, почти сизаго. И гроздья ихъ свѣшивались красными шапками, какъ бы приглашая сорвать и отвѣдать впитанные ими лучи солнца, запахъ вѣтра, да соки земли.

Костяника такъ рдѣла на яркой зелени лѣсной травы, что даже и въ сумеркахъ бросалась въ глаза своими холодными, алыми, какъ кровь, ягодками. Срывали и щели, чтобы утолить жажду. Вдругъ лѣсокъ разбрѣжался въ стороны, и сразу, по склонамъ увала, встала предъ нами заимка. Все здѣсь жило, двигалось. Множество коровъ толкались тутъ возлѣ домовъ и домишкѣ. Сновали собаки, хранили, помахивая хвостами, лошади. Бабы съ подойниками и ребятишки суетились, галдѣли. Мужиковъ не было видно. Впрочемъ подъ окномъ одной заимки бородатый дядя обихаживалъ, съ молоткомъ въ рукахъ, сѣно-косилку. Кой-гдѣ въ окнахъ мерцали огоньки. А тутъ же почти рядомъ, въ ложбинѣ, за мостикомъ чрезъ рѣчку, виднѣлся обнесенный новымъ досчатымъ заплотомъ участокъ земли и среди него два „справныхъ“—дома.

Мы сразу догадались:

— Наконецъ-то, Глаголевъ.

Очень обрадовались. Вася подбоченился, заулыбался, и, чтобы попробовать голость, запѣль весело:

„Конченъ, конченъ дальний путь“...

Мы тоже, кто какъ умѣлъ, подхватили, и радостные, направились было къ тѣмъ домамъ, но Петръ Николаевичъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ премудрый, сказалъ:

— Не лучше-ль намъ справиться, пустятъ-ли туда ночевать?.. Эй, тetenька, а, тetenька! подойдите-ка на минутку.

Тetenька одернула подолъ, подошла. А потомъ подошель и волосатый дядя.

— Вѣдь это, если не ошибаюсь, Глаголева заимка?

Мы стояли, улыбались и нетерпѣливо ожидали утвердительного отвѣта.

Баба молча почесала задъ, а дядя кашлянулъ въ кулакъ, зѣвнулъ не торопясь, взглянулъ на насъ искоса, спросилъ:

— А вы кто такие сами-то?

И опять пришлось „начинать сначала“.

— Да эта заимка Глаголева, что-ль? — почти крикнули мы.

— Которая?..

— Да вотъ...

Повернуль опять, не торопясь, голову, посмотрѣлъ прищуренными подслѣповатыми глазами на бѣлый заплотъ, и также медленно перевелъ глазъ на насъ:

— Вотъ эта? — указалъ рукой.

— Ну, да?! — горячились мы.

— Дакъ вы кто такие сами-то?...

— Тыфу!.. Тетенька, милая, хоть ты скажи, Бога ради...

Та утерла проворно носъ указательнымъ пальцемъ и бухнула:

— Нѣть еще до Глаголева упрѣшь, мотри... Рубаху-то выжмешь...

Мы такъ и пристѣли отъ изумленія и тупой злобы ко всему на свѣтѣ.

Петръ Николаевичъ пожелтѣлъ сразу — что случалось съ нимъ всегда, когда онъ злился, — и, взглянувъ чрезъ пенснѣ въ плутоватое лицо бабы, унылымъ голосомъ, не безъ яда, сказалъ:

— Чтобы вамъ, тетенька, типунъ на языкъ за ваши слова.

Та, усмѣхнувшись, отвѣтила.

— Въ ефтомъ разѣ ужъ мы не виноваты... А только что до Глаголева еще верстовъ пять будетъ...

Мы стали втroeемъ совѣщаться — какъ быть, а Петръ Николаевичъ продолжалъ въ томъ же духѣ:

— А у васъ, тетенька, мужъ есть?

— Неужли — безъ мужа... знамо есть...

— Чтобы у него борода отсохла, тетенька...

— Вотъ, дурной... Да чо ты, въ умѣ?.. Ха-ха-ха... Ну и дурно-о-о-й...

— Да ка-а-кже, — хнычетъ Петръ Николаевичъ, — обида вѣдь: пёрли-пёрли, верстъ десять пробухали; я глубину всѣхъ болотъ перемѣялъ, въ грѣчкѣ выкупался, иззябъ,

кушать хочется, и вдругъ— пять верстъ еще... У-ю-ю-ю...— и Петръ Николаевичъ сокрушенно закрутилъ головой...

Мнѣнія раздѣлились. Я да Вася во чтобы-то ни стало рѣшили доползти до Глаголева,—все одно: день потерянъ, а путешествіе по тайгѣ ночью интересно новизной впечатль-ній,—а двое другихъ настаивали переночевать здѣсь, чтобъ утромъ, чуть свѣтъ, тронуться въ путь.

Мотивировка ихъ сводилась всего къ двумъ словамъ:

— Ночь...—тайга...

А для насть двоихъ, наоборотъ, это-то и служило прі-манкой. Наконецъ, намъ удалось склонить Владимира, а за нимъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію большинства и Петръ Николаевичъ.

Распрощались

— А то ночевали-бы... у насть нонѣ слободно: хозяина нѣть...—сказала тетка, обхвативъ руками прущую наружу грудь, и насыщенно улыбнулась.

Однако, пошли.

— Мотри, никуда не свертывай... Они будуть сверточки, а вы все прямо, все прямо; да на лѣву сторону все посматривайте... Огонь на горѣ увидите—тутъ тебѣ и Глаголевъ живеть.

Когда прошли шаговъ двадцать, Петръ Николаевичъ, хлопнувъ ладонью сначала по одному карману, потомъ по другому, вынулъ записную книжку съ карандашемъ и, остановившись крикнуть, стараясь придать игривость своему плаксивому голосу:

— Эй, тетенька!..

— Ну, чо еще?..

— А какъ ваша дѣвичья фамилія?

Мы шагали втроемъ дальше; а тетка разсыпалась мелкимъ смѣшкомъ и весело закричала:

— А подъ ты отъ меня!.. Стеклянные твои глазы... Промѣшникъ...

Мы хотѣли было раскатиться хохотомъ, но, вспомнивъ, что Петръ Николаевичъ человѣкъ премудрый, и что не зря-же онъ допытывается тетку, отъ смѣха, по молчаливому уговору, воздержались.

VII.

У заемки, въ полугорѣ, сумерки только что наступили но въ низинѣ, куда мы спустились, чувствовалось, что чрезъ полчаса, много—часть, наступить ночь.

Ну и отлично. Дорога шла лугомъ, и по бокамъ ея, то здѣсь, то тамъ вздымались душистые стога свѣжаго сѣна. Вонъ туманъ стелется, цѣпляясь за кусты: должно быть, у горы болотце. Пронеслось надъ нами стадо утокъ, за нимъ—другое. Вася вскинулъ ружье, но опоздалъ. Опять стогъ, огороженный жердями. А вдали, куда бѣжитъ дорога, что-то чернѣеть. Мы знаемъ, что это тайга.

По полянѣ попадаются деревья, въ одиночку и цѣлыми островками. Налѣво, рядомъ съ ними, темные увалы холмовъ. Гдѣ-то стучитъ топоръ. Это, навѣрное, доканчиваютъ просѣку рабочіе землемѣра, межующаго землю—такъ сказали намъ на заемкѣ.—Идемъ быстро и, чтобы не скучно было, поемъ пѣсни.

Вдругъ дорога разлетѣлась въ разныя стороны: одна вправо, другая влѣво, а третья—междѣ ними. Пошли прямо, какъ учila насъ тетка. Но та дорога скоро разбилась опять на три, изъ нихъ одна, что поменьше, круто завернула влѣво. Вотъ тутъ-то мы и призадумались. Пошли на развѣдки.

А кругомъ становилось темнѣй да темнѣй.

Лѣвая перешла скоро въ просѣку, съ вѣшками посерединѣ, и тамъ затерялась куда-то, правая—увязла въ болотѣ, пошли по средней.

Стало холодѣть. Справа тоже показались горы. А въ небѣ ни звѣздочки: сѣро-сѣрое, непривѣтливое, висѣло оно надъ нами. Шли мы хмурые, не увѣренные—туда-ли идемъ.

Опять утки. Вася прицѣлился. Глухо раздался выстрѣль и замеръ; а чрезъ секунду пять вдругъ предъ нами въ горахъ что-то грохнуло и мягкими, рокочущими звуками покатилось—покатилось, дальше да тише, и, не успѣвъ замереть, съ новой силой загрохотало вправо, разсыпалось, притихло, перебросилось влѣво, тамъ грохнуло и такимъ же

мягкимъ, все убывающимъ рокотомъ унеслось вдаль и пало гдѣ-то въ тайгѣ.

Мы стояли, какъ зачарованные, и слушали:

— Вотъ такъ эхо!

Опять выстрѣлили и слушали вновь.

Потомъ сильными голосами взяли аккордъ:

А-а-а!..

Укатились звуки, замерли, и вдругъ, въ разныхъ мѣстахъ, одна за другой, гармоніей отклинулись горы. Это было такъ необычно, такъ трогательно и красиво, что мы повторяли еще и еще, забывъ о дорогѣ. Однако, пошли. Нашъ путь пересѣкла какая-то хорошо проторенная дорога, а саженъ черезъ сто — другая. Чортъ знаетъ, сколько дорогъ!..

— А вѣдь мы, господа, заблудились! .

— Ну, вотъ еще...

Но всѣ мы чувствовали, что навѣрное сбились съ пути... А сумракъ ближе, да ближе. Вотъ кончается скоро поляна, и тайга поглотить насъ всѣхъ.

Вася сзади кричить:

— Обождите, пистоны я потерялъ сейчасть!..

Плохо. Въ тайгѣ безъ ружья плохо.

Петръ Николаевичъ почувствовалъ это сильнѣе всѣхъ, и первый побѣжалъ на помощь Васѣ.

Искали съ полчаса: все саженъ на десять выползали, найти не могли. Сожгли полкоробки спичекъ.

— Я, господа, дальше не пойду, я лучше вернусь, — говоритъ Петръ Николаевичъ, и не получивъ отвѣта, предлагаетъ:

— Давайте-ка, пока не поздно, залѣземте до утра въ стогъ...

Но мы схватываемъ его подъ руки и толкаемъ впередъ.

Поляна кончилась, пошелъ перелѣсокъ, за нимъ — тайга. Темная — темная приняла она насъ, но мы люди бывалые — не боимся, идемъ.

Стало такъ темно, что мы больше не видимъ другъ друга, только два бѣлыхъ картуза сѣрѣютъ, да слышатся хлюпающіе шаги по грязной, послѣ дождя, дорогѣ.

— Стопъ!.. Ухъ,—язви те!..— Слышится время отъ времени недовольный голосъ Петра Николаевича: должно быть натыкается на деревья, да пни.

Заухалъ, заржалъ гдѣ-то филинъ. А ему отклинулся другой.

— Животная ночная...—сказалъ Вася и спросилъ:—А вы, Петръ Николаевичъ, животная какая?

Тотъ, помедливъ, жалобно отвѣчаетъ:

— Денная...

— А зачѣмъ же вы, на ночь глядя, пошли?..

— По глу-у-пости... Я думалъ, что близко... Кабы зналъ— не пошелъ-бы.

Впереди всѣхъ хлюпаетъ Владимиръ.

— Господа,—кричитъ онъ,—дорога пропала!..

Подошли. Ползаетъ на четверенькахъ и щупаетъ руками землю. Мы очутились на какой-то сплошь истоптанной копытами полянѣ. Ползаемъ сами, щупаемъ, ничего не можемъ понять...

— Сюда, господа, сюда!..—опять кричитъ Владимиръ— нашелъ!..

Спотыкаясь и падая, бѣжимъ на голосъ. Вѣрно, дорога... Но не другая-ли? Ну, да теперь все равно. Идемъ. Чувствуемъ, что свалили дурака, не оставшись ночевать на зaimкѣ.

Кто-то изъ насъ сказалъ:

— А вѣдь эта дорога идетъ, пожалуй, на пріиски, что по Лебеди... Верстъ сто пройдешь и жилья не встрѣтишь...

Вѣ тайгѣ что-то хрустнуло.

— Не медвѣдь-ли?..

А ружья нѣтъ, безъ пистоновъ оно—палка.

— Ребята, медвѣдь!!!..

И мы сразу, что есть силы, заорали, чтобъ напугать.

— Это я—а-а...—стонетъ вѣ отвѣтъ Петръ Николаевичъ.— Гдѣ тутъ дорога-то?..

Вдругъ, среди тьмы, откуда-то сверху, съ увала, что съ лѣвой руки, яркій женскій голосъ:

— Э-го-о-о-ой!..

Ахъ, какъ обрадовались мы тогда. Боже, какъ обрадовались!

— Огонекъ, огонекъ на горѣ...

— Гдѣ?..

Погасъ огонь и больше не появлялся.

Мы принялись кричать всѣ вразъ...

Голосъ не откликался.

— Глаголевъ!.. Глаголевъ!..

Слышимъ:

— Э—э-эй!.. — кричить опять женщина, гдѣ-то далеко—далеко, чуть слышно и, какъ будто, въ другомъ уже мѣстѣ.

— Гла-го-левъ!.. Гла-го-левъ!!..

Молчаніе. Кричали полчаса. Ни звука...

Вася зарядилъ ружье, насыпалъ въ капсюлю пороха, а Владимиръ поджегъ. Ружье плонуло полымемъ, грохнуло, заорало. Но вновь тишина, и только слышно было, какъ-тѣжело дышали наши груди.

— Это — русалка...

Кто-то сказалъ глупость—а морозъ подралъ по кожѣ, чакнули зубы.

— Русалочка, милая, захохочи!.. Зачѣмъ и куда завела ты насъ?—шутилъ Вася.

— Я бы предложилъ, господа, идти нальво, прямо къ тому мѣсту, откуда кричали...—сказалъ Пётръ Николаевичъ.

Но сообразивъ, что ночью по незнакомой тайгѣ ходить опасно—можно погибнуть—рѣшили идти впередъ, не теряя дороги:

— Авось дойдемъ, хоть къ утру, до какой-нибудь заимки.

Голодъ совсѣмъ пропалъ, только ноги дрожали, да въ груди ползали злоба и жуть.

VIII.

Когда мы, достаточно измучившись, начали мало-по-малу терять мужество, всталъ передъ нами непріятный вопросъ:

— Что-же дѣлать?

Назадъ идти, на заимку—безразсудно: въ такой тьмѣ не найти даже стога сѣна. Ночевать въ тайгѣ—безъ ружья.

опасно. И кромъ того, стало холодно. Положеніе было не изъ пріятныхъ. Рѣшили: ощупью подвигаться впередъ. Хоть на душѣ у насъ было больно плохо, но тамъ гдѣ-то на днѣ, какъ уголекъ въ золѣ, чуть мелькала надежда: авось! Молча шли кой какъ впередъ. Останавливались, прислушиваясь къ тайгѣ. Но ни звука, ни шороха. Да полно, есть-ли тайга-то? Такъ темно и тихо.. Не погибъ ли я? Существуетъ-ли что нибудь возлѣ меня, кромъ тьмы, тишины и жути. А, можетъ быть, сонъ?

— Господа... тихо спрашиваю я.

Отвѣчаютъ. Это хорошо. Хоть дрожащими голосами отвѣтили, а на душѣ стало легче.

— Господа—стараюсь говорить громко—давай-ка нащупаемъ березу, надеремъ бересты, факеловъ понадѣлаемъ и съ пѣснями пойдемъ впередъ.

Предложеніе принимается, и чрезъ минуту Петръ Николаевичъ кричитъ:

— Е-сть береза...

Вотъ зажгли факель, за нимъ вспыхнуль впереди другой. Тьма разступилась, застыгала. Всюду поползли черныя тѣни отъ насъ самихъ, отъ стволовъ и пней. Береста фыркала, трещала, а густой дымъ клубился ввысь, сливаясь съ чѣмъ-то чернымъ, бездоннымъ. Сгрудились всѣ, пошли проворно, пока горячъ огни. Вдругъ видимъ: претъ на насъ изъ тьмы какое-то сѣре чудище, хранить.

— Стой, стрѣлять буду! — Слышится незнакомый окрикъ...—Вы кто такіе?!

А у насъ возьми да, какъ на грѣхъ, факелы и погасни.

И опять стала тьма. Охъ, какая зловѣйшая была минута.

Бахъ!!!—грохнулъ вдругъ выстрѣль...Бахъ!!!—другой.

— Да ты ошалѣлъ?!—какъ зарѣзанные, заорали мы...

— А вы кто такіе?—Опять злой годось прорѣзъ тьму, совсѣмъ близко отъ насъ.

— Гдѣ Глаголевъ живеть?

— Я вамъ такого Глаголева покажу, что унеси Богъ тепленъкихъ!..—загремѣль голосъ, и слышно было, какъ сломилось ружье, какъ вставились въ стволы свѣжие патроны.

— Мы не жулики, мы вотъ кто...

— А-а-а,—болѣе дружелюбно протянулъ голосъ и добавилъ совсѣмъ мягко:—А-то, кто-е знатъ... Вотъ прошлымъ лѣтомъ такъ же, было укокошили насъ... Съ прісковъ, должно...

Трясущимися отъ волненія руками зажгли факель. Глядимъ—стоитъ предъ нами верховой, здоровенный, на бѣломъ конѣ, мужикъ и угрюмо щупаетъ насъ глазами, держа наготовѣ ружье. Замѣтивъ, должно-быть, двѣ форменные фуражки—успокоился окончательно.

— А я съ сосѣдней заимки, съ версту подалѣ отсюда. Промежъ насть, виши, уговоръ съ Глаголевымъ: ежели у него ночью выстрѣль—я къ нему долженъ на помошь, а у меня—онъ ко мнѣ... Такъ это вы стрѣляли-то давѣ?..

— Гдѣ жъ Глаголевъ-то?...

— А вотъ на горѣ, противъ насть... Какихъ-нибудь сто печатныхъ саженъ...

— Сдѣлай милось, проводи, полтину дадимъ...

Согласился:

— Ну, я впереди, а вы не отставай, держись прямо за лошадью... А то тутъ ключикъ... Айда!

Такими ослѣпительными улыбками сіяли наши физіономіи, что, кажется, было бѣ свѣтло и безъ факеловъ.—Шли, хотели, разсказывая заимочнику наши злоключенія.

Хохоталъ и онъ.

— Еще какъ вы на звѣря не натакались...

— А есть тутъ?—хриплымъ шопотомъ, спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Тутъ-то? Ха-ха... Сколь хошь.

Петръ Николаевичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и зашагалъ ближе къ лошади, пугливо косясь по сторонамъ. Наконецъ, миновали ключикъ, поросшій колючими кустами кочкарника, и уперлись въ гору.

— Глаголе-евъ!.. Эй, Глаголевъ...—закричалъ всадникъ. Мелькнулъ вверху огонекъ, и женскій голосъ отвѣтилъ:

— Что-о-о?..

— Ты, Аннушка?

— Я...

— Вотъ гостей пымаль... Господа къ вамъ идутъ въ гости... Сады смотрѣть... Самъ-отъ стариkъ спить?

— Нѣть еще...

— Ну такъ вотъ, примайте...

И, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Ну, давайте деньги... Вотъ по этой тропкѣ царапайтесь вверхъ. Какъ разъ въ калитку..

Я порылся въ кошелькѣ и сунулъ провожатому въ руку полтину. Тотъ завозился въ сѣдлѣ, чиркнулъ спичку и внимательно осмотрѣлъ монету: не надули-бы!

— Ну, благодаримъ... Прощайте-ка...

И, отъѣхавъ, крикнулъ сквозь тьму:

— А я, грѣшнымъ дѣломъ, такъ и подумалъ что вы, современемъ, ворначье .. Ха-ха-ха!.. Ужъ извините...

IX.

Наконецъ-то. Предъ нами домикъ окна въ четыре. Крылечкомъ выходитъ во дворъ, застроенный сарайчиками, клѣтушками, навѣсами. Хотя наружная дверь была настежъ, однако, доступъ въ сѣни преграждался низенькой, страннаго устройства, калиткой, а за ней, по поясъ скрытые, стояли сгрудившись трое: высокій съ огромной окладистой бородой стариkъ, молоденькая, лѣтъ шестнадцати дѣвушка, да пожилая женщина. Стариkъ держаль фонарь и, сдѣлавъ руку козырькомъ, пристально разглядывалъ насть. Лица ихъ были блѣдны, глаза свѣтились тревогой и любопытствомъ.

— Вы кто такіе, господа?...

Здороваемся, называемъ себя...

— А-а...—такъ-такъ... Милости просимъ, милости просимъ...—а самъ калитку не отмыкаеть. Начался допросъ: какъ про него узнали, почему заблудились, кто стрѣляль? Наконецъ, протянулъ, перегнувшись чрезъ калиточку, руку:

— Ну, здравствуйте-ка... Вотъ теперь пожалуйте.—Вынуль изъ скобокъ запоръ, отвориль дверцу.

— Аннушка, внеси ружьишкі-то въ комнату...

Та, конфузливо улыбнувшись, взяла стоящія въ углу три ружья и, хихикнувъ, скрылась въ комнаты, а старикъ сказалъ:

— Вы, милостивые государи, изрядно-таки напугали насъ... виши, какой гостинецъ былъ для встрѣчи приготовленъ... Ужъ, извините... Живемъ въ страхѣ... Мѣсто глухое... Вотъ также прошлымъ лѣтомъ...

И онъ рассказалъ, какъ ихъ чуть не убили какие-то проходимцы съ золотыхъ присковъ.

— Это не вы ли намъ голосокъ подавали?—спросилъ Вася дѣвшушку. Та сутилась, накрывала на столъ, возилась возлѣ самовара.

— Я...—улыбнулась, стрѣльнувъ глазами.

— А мы васъ за русалочку приняли. Почему-жъ вы не отклинулись намъ, злодѣйка?

— Потому, какъ Порфирий Яковличъ не велѣли. Мы попервости подумали, что евоный сынъ съ города Ѳдетъ, Михайло... А потомъ слышимъ—нѣтъ: чужie, да много...

— Не только кричать... хе-хе-хе,—смѣялся старикъ,—я и огонь-то велѣль въ дому погасить... Въ тайгѣ опаска не вредитъ... А народъ всякий бываетъ... Иной хуже звѣря...

— Сколько верстъ до Біи считаете? Мы оттуда шли...

— Семнадцать...

— Семнадцать?!.. Ллловко!!...

Мы съ такимъ волчьимъ аппетитомъ набросились на свѣжее роскошное сливочное масло, на чай, на душистый, только что подрѣзанный медъ, что,—не знаю, какъ товарищамъ,—а мнѣ было-таки стыдненько.

Насъ засыпали вопросами. Мы отвѣчали, сами спрашивали, много смѣялись, но что отвѣчали и о чёмъ спрашивали—хорошенько не помню, очень хотѣлось спать. Да и товарищи изрядно позѣывали.

Помню только очень хорошо, какъ среди чая Глаголевъ куда-то исчезъ съ ключами и фонаремъ, и минутъ черезъ десять явился съ яблоками въ корзинѣ.

Всѣ мы очень дивились, всячески рассматривали яблоки: и на ладони взвѣшивали, и на свѣтъ смотрѣли. Наконецъ, стали Ѳсть. Петръ Николаевичъ, по обыкновенію своему,

священнодѣйствовалъ. Чрезъ полчаса мы разбросили на полу свои „азямы“ и кой какую хозяйскую „лопотину“, грохнулись, какъ попало, и уснули богатырскимъ сномъ.

Х.

Въ путь двинулись, неся по очереди два пудовыхъ ящика меду. Потомъ, на полдорогъ этой медь мы трижды прокляли, такъ какъ ящики оттянули намъ руки. Мой ящикъ былъ связанъ лычной веревкой съ большой петлей. Я умудрился петлю надѣть на шею, и ящикъ все время тянуль меня впередъ, нагибая къ землѣ. Я пыхтѣль, спотыкался на кочки, но все-таки кое какъ подвигался. Дорога была скверная, и ее тоже пришлось проклясть трижды.

Назадъ шли ровно пять часовъ.

Домой пришли втроемъ: Вася остался у молодой красивой заимочницы—купить свѣженыхъ яичекъ, да шанежекъ...

— Эй, позовите-ка сюда лоцмана!

Пришелъ. Взглянуль на насть—смекнуль, въ чемъ дѣло—стоить, виновато улыбается. Глаза бѣгаютъ,

— А сколько верстъ отсюда до Глаголева?

Молчитъ, смотрить на насть, улыбается. Потомъ сняль картузъ, изо всѣхъ силъ поскребъ темя, опять надѣль и тогда только, съ виноватой ужимочкой, отвѣтиль:

— Да верстъ, поди, шесть... Либо девять...

Мы взялись за бока и покатились со смѣху.

А лоцмамъ, поцарапывая по очереди то бока, то спину, бубниль:

— Кто-е знатъ... Знамо, не мѣряно... Все говорили, быдто, что четыре.

Вяч. Шишковъ.

